- Лайон Спрэг Де Камп, Лин Картер
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Лайон Спрэг Де Камп, Лин Картер
Гроза над Чохирой

1

Вековой лес застыл в настороженном и чутком молчании. Ветер шумел в древесных кронах, почти прозрачной дымкой весенней листвы, и их шелест казался единственным звуком, тревожившим лесную тишину. Живые обитатели дремучих чащоб смолкли, ощущая, что в их владениях появились опасные и неожиданные пришельцы.

Спустя некоторое время со стороны дубовой рощи раздался шум. Мерный топот, звон и бряцание доспехов, негромкие голоса свидетельствовали, что оттуда приближаются люди, причем их много и они вооружены.

Внезапно — и совершенно бесшумно — в стороне от воинского отряда на поляну из зарослей вынырнул высокий, мощного сложения человек. Его необъятную грудь прикрывала стальная кольчуга, под откинутым забралом шлема можно было разглядеть синие, сверкающие холодным огнем глаза, спутанную гриву черных волос и смугловатое лицо, опаленное более жарким, чем в этих краях, солнцем. С осторожностью проскользнув на прогалину, он внимательно осмотрелся; потом его ноздри затрепетали, будто все чувства — зрение, слух, обоняние — были напряжены в попытке избежать неведомой опасности. Затем великан махнул рукой, и тут же из-за кустов появился еще один мужчина — среднего роста, стройный, светловолосый и молодой. Знаки различия на его доспехах указывали, что он полусотник легиона Золотых Львов — отряда пограничной стражи Аквилонского королевства.

Любому, увидевшему этих двух людей, сразу бросилось бы в глаза различие в их повадках и поведении. От синеглазого гиганта, который был родом из далекой Киммерии, страны лесов и гор, несмотря на испытываемое им напряжение, исходили флюиды уверенности и силы, тогда как молодой аквилонский полусотник тревожно оглядывался по сторонам и то и дело с нервозностью передергивал плечами.

— Арно, мой командир, велел узнать, может ли отряд продвигать дальше, — обратился он к своему старшему товарищу. Потом, еще раз обведя взглядом окрестности поляны, добавил: — Мне кажется, тут все тихо, капитан Конан.

— Вот именно, что тихо, — буркнул тот, кого назвали "капитаном Конаном". — Я бы даже сказал, слишком тихо! В весенний полдень в лесу в ушах должно звенеть: птицы, мелкое зверье, насекомые и всякая прочая тварь… А здесь — тишина, как в могильном склепе. Это не к добру!

— Может, наш отряд распугал зверей? — предположил аквилонец.

— Может, наши люди, Флавий, а может, и пикты. Правда, следов их я пока не вижу… — Конан задумчиво нахмурился и, повернувшись к полусотнику, спросил: — Кто-нибудь из разведчиков уже вернулся?

— Нет, но лазутчики графа Лусиана утверждают, что осмотрели лес самым тщательным образом и что пиктов поблизости нет.

Губы Конана скривила усмешка, похожая на волчий оскал.

— Кром! Ну, разумеется! Я еще удивляюсь, почему они не сказали, что пикты вообще убрались из Конаджохары! Скоро эти парни станут уверять, что размалеванные дикари пришли в дрожь при одном только виде нашего отряда и…

Младший из воинов в изумлении приподнял брови.

— У тебя, мой капитан, есть основания не доверять разведчикам графа?

— Полностью я доверяю своим людям — да и то лишь тем, кого хорошо знаю. А откуда мне известно, что за ублюдков послал в лес Лусиан? И можно верить их словам?

— Но… но… неужели ты допускаешь, что граф Лусиан, наш командующий, мог отправить отряд прямиком в ловушку?

Лицо киммерийца застыло, словно отлитая из бронзы маска.

— Этого я не говорил, Флавий. Только повидал я на своем веку достаточно, чтоб ничьи слова просто так не принимать на веру. Запомни это, парень, и, ради Крома, держи язык за зубами! А сейчас отправляйся к капитану Арно. Скажешь ему вот что… — Вдруг Конан сделал паузу и тут же воскликнул: — Погоди-ка! Вон как раз один из бездельников Лусиана. Я с ним потолкую.

На поляне появился еще один человек, в кожаном аквилонском доспехе с металлическими накладками на груди и плечах.

— Ну? — коротко буркнул Конан.

— Мы прошли вдоль всей Южной Протоки, не обнаружив ни единого следа пиктов, — доложил разведчик. — На флангах — тоже ничего! Протока уже прямо перед нами.

— Это я и сам вижу, — резко ответил киммериец.

Вскинув взгляд, Флавий действительно обнаружил, что впереди, меж зарослями кустарника, можно рассмотреть серебристые светлые блики на поверхности воды. Лазутчик графа Лусиана, не сказав больше ни слова, исчез, словно лесная тень.

Прошло недолгое время, и за спинами Конана и молодого полусотника послышались шаги, а затем на поляне появился авангард аквилонского отряда — похоже, капитан Арно, не дождавшись от них известий, принял решение выступать. Более сотни воинов шли узкой тропой по двое в ряд, стараясь не нарушать лесную тишину треском сучьев и звоном металла. Половина из них, северяне-гандерландцы, были вооружены прочными копьями и щитами, а тела их прикрывали длинные, до колен, чешуйчатые кольчуги. Вторую половину отряда составляли стрелки, в основном уроженцы Боссонских Топей, издавна славящихся своими лучниками. Боссонцы обычно сражались во второй линии, выпуская из-за спин копейщиков град смертоносных стрел длиной в добрых три локтя.

Капитан Арно, предводитель гандерландских копьеносцев, вытирая со лба обильную испарину — солнце стояло в зените — подошел к киммерийцу.

— Мои дармоеды нуждаются в отдыхе, Конан. Видишь, у них уже языки лежат на плечах.

— После такой небольшой прогулки? По-моему, ты распустил их, Арно! Если б они побегали так, как я гоняю своих людей, это пошло бы им на пользу! Ну, теперь жалеть о том нечего, придется сделать привал. Только предупреди их: пусть сидят тихо, как мыши. Иначе, коль разведчики Лусиана ошиблись и поблизости есть хоть один пикт, вся их свора будет знать, сколько нас и куда мы идем.

— Что поделаешь, не все столь неутомимы и сильны, как ты, капитан Конан, и твои боссонцы, — усмехнулся Арно. — Приходится вести войну с такими солдатами, какие есть. — С этими словами он отправился к своим бойцам.

— Помыслить не могу, зачем мы разделили наше войско? Да еще в таких гибельных местах? — глядя ему вслед, раздраженно бросил киммериец. — Попомни мои слова, Флавий: немало жизней мы потеряем из-за этого безумного приказа!

— Но ведь сам граф Лусиан, наш военачальник… — начал было молодой аквилонец.

— Думаешь, военачальники не могут отдавать безумных приказов? — рявкнул Конан. — Похоже, твой граф не имеет понятия, как нужно воевать с пиктами! А я давно прошел эту науку — и на собственной шкуре! Самое главное, узнать побольше о них, выведать, где они прячутся, а потом, собрав всю силу в кулак, ударить в плотном строю! И еще: коль не имеешь над пиктами численного превосходства, лучше вообще не соваться в их леса. Ну и, конечно, надо выбрать для атаки подходящий момент… А когда в лес посылают всего полторы сотни воинов из целого легиона, не подумав об их прикрытии и дороге для отступления… — киммериец резко взмахнул рукой и закончил: — Это нам дорого обойдется, вот увидишь, Флавий! Пикты могут собрать

больше тысячи человек… намного больше, я полагаю!

Конан в сердцах сплюнул и нахмурился. Вся эта затея с самого начала представлялась ему весьма сомнительной и опасной. Однако в армии аквилонского короля было не принято обсуждать приказы полководцев — в чем киммериец убедился, около года пробыв в Аквилонии наемников и дослужившись до капитанского чина. Но коль ясно видишь всю гибельность и безрассудство затеянного… если видишь это и не можешь исправить… Кром! Он уже жалел, что согласился принять участие в этом безумном походе, а тут еще нелепый приказ, согласно коему власть разделена между двумя капитанами, между ним и Арно… Конечно, Арно — храбрый и испытанный солдат, тут не скажешь ничего плохого, но он не воевал прежде с пиктами! Откуда у него возьмется нужный опыт? Да и вообще, двоевластие в военной экспедиции скорее приведет к гибели и поражению, чем к победе…

Конан повернулся к Флавию и буркнул:

— Пора выступать! Скажи своему капитану, чтобы он поднимал гандерландских неженок.

Отдых закончился. Под палящими лучами полуденного солнца аквилонские солдаты по узкой лесной тропе направились к Южной Протоке, которая отделяла провинцию Чохиру от занятой сейчас пиктами Конаджохары. когда отряд достиг реки, Конан, шагавший вместе с Флавием во главе колонны, приказал своим бойцам наполнить водой фляги. По-прежнему ничто не нарушало тишину лежавшего по обоим берегам протоки густого леса — до тех пор, пока молчание не было нарушено уханьем совы.

Резко обернувшись, киммериец приказал:

— Перестроиться в каре — и поживее! Копейщики — вперед, лучники — во вторую линию! готовьтесь к отражению атаки!

Флавий, хлопая глазами, удивленно спросил:

— В чем дело, капитан? Тебя напугал крик совы?

— А ты слышал, парень, чтоб сова вопила днем?! — прорычал киммериец. — Сейчас начнется!..

И, как бы подтверждая его слова, тишину разорвали воинственные возгласы. То был боевой клич пиктов.

2

Видно, аквилонские солдаты были не такими уж неженками и дармоедами, да и гарнизонные тренировки не прошли для них даром — в мгновение ока длинная, как змея, колонна превратилась в ощетинившийся копьями квадрат. За первыми рядами гандерландцев — которые, опустившись на одно колесо и прикрываясь щитами, воткнули древки своих копий в землю — стояли, держа наготове луки, боссонские стрелки.

Аквилонцы едва успели выровнять боевой порядок, как из-за близлежащих деревьев на них ринулась орда размалеванных дикарей. На них не было никакой одежды, кроме набедренных повязок, схваченных в пучок на затылке, торчали разноцветные перья птиц. Вооружены они были большей частью кремневыми топорами и копьями, изредка сверкало стальное лезвие меча — военного трофея, захваченного некогда в форту Тусцелан.

— Да поможет нам пресветлый Митра! — вскричал Флавий, поворачиваясь к Конану. — Ты был прав — их здесь не меньше тысячи!

— Сосчитаешь потом, коль останешься жив! А сейчас становись вон в тот угол! — приказал полусотнику киммериец, бросаясь к другому углу каре.

Пикты с пронзительными угрожающими воплями приближались к боевым порядкам аквилонцев. Несколько дикарей уже были поражены стрелами, другие, не рассчитав скорости бега, сами напоролись на выставленные вперед наконечники копий; прочие же задержались перед ощетинившейся сталью шеренгой. Все попытки проскользнуть под копьями гандерландцев закончились смертью чересчур сообразительных дикарей.

Под взмахами конанова клинка один за другим валились на землю воины в боевой раскраске; боссонские стрелки заученными движениями отправляли в атакующих стрелу за стрелой, и мало какая из них не находила цели. Прошлогоднюю листву под ногами сражавшихся заливали потоки крови — в основном, пиктской.

Но вот над полем боя послышался протяжный зов берестяного рожка — то был сигнал к отступлению. Однако захваченные азартом схватки дикари не сразу расслышали этот звук; кровь их кипела, и каждый стремился ворваться первым в аквилонские шеренги. Вожди громкими криками и руганью все же заставили соплеменников отойти назад, и вскоре нападающие — петляя, чтобы уберечься от стрел, — начали отступать в сторону леса, неся на плечах раненых товарищей.

Около пяти десятков дикарей остались лежать возле аквилонского строя, у ног гандерландцев. Конан, вытирая со лба смешанный с кровью пот, ткнул пальцем в двух воинов:

— Вы, парни, осмотрите всех, кто валяется тут, раненых — добейте! Хороший пикт — мертвый пикт, — бросил он Флавию, потом опять повернулся к солдатам. — Всем остальным — держать строй! Тех, кто ранен, немедля перевязать! И вытащите из трупов дикарей стрелы — нам они, я чувствую, еще пригодятся.

— Но почему они все-таки отступили? — удивленно спросил Флавий. — Ведь даже теперь дикари превосходят нас числом по меньшей мере в десять раз!

— Кром! Думаешь, я знаю? Как бы это не оказалось ловушкой… Вот почему сейчас нельзя расслабляться… Ни на миг!

Откуда-то издалека донеслась барабанная дробь. Пыл недавней схватки угасал, солдаты переводили дыхание, передавали друг другу фляги с водой, подкисленной вином. Внезапно Конан заметил, что кое-кто из гандерландцев спасаясь от жары, снимает шлем и пытается сбросить кольчугу. Придя в ярость, он заорал:

— Эй, недоумки! Вы бы еще штаны стянули! Ну-ка, прекратить! Доспехи — ваша жизнь! А

кто снимет их, получит от пиктов подарок — стрелу в брюхо! Если раньше я сам не сворочу поганцу челюсть!

Восстановив порядок, Конан направился к Арно посовещаться.

— У пиктов сейчас вместо покойного Зогар-Сага новый шаман — Сагайета, его племянник, — сказал он. — Хитрая бестия! Кровожаден и упорен, как оголодавший волк! Он от нас не отстанет! И потому я думаю, что барабаны, который мы слышим, предвещают новую атаку.

— Ты бы поменьше толковал о шаманах, Конан, — с угрюмым видом произнес Арно. — Не хватает только, чтоб наши храбрецы услышали о них и решили, что им придется иметь дело с колдовскими силами.

— Они должны об этом знать и быть готовыми, — возразил Конан. — Пикты бессильны против нашего оружия — недаром же мы заняли всю восточную часть их земель! Вот им ничего и не остается, как прибегнуть к колдовству.

— Земля пиктов перешла к нашим поселенцам по закону, — Арно явно не понравились слова варвара. — На каждый земельный надел у них есть грамота с подписью короля Нумедидеса, с его печатью и знаками пиктских вождей, продавших землю!

— Ну, разумеется! — язвительно отозвался Конан. — Не сомневаюсь, что вождей, поставивших эти знаки, для начала хорошенько подпоили, а под конец сунули им пару-другую медных браслетов. Впрочем, дикари и в трезвом-то виде мало что понимают в подобных делах… И хоть я не испытываю к пиктам дружбы, ярость их мне понятна. — Он бросил взгляд в сторону лесной опушки и усмехнулся: — Ну, хватит о землях и грамотах! Сейчас по краям колонны идут копьеносцы — так мы сможет быстрей перестоится в случае тревоги.

Отряд двинулся вперед, но не прошло и нескольких мгновений, как отдаленный грохот барабана смолк. Наступившая тишина казалась зловещей.

Но вдруг ее нарушил громкий вопль, потом еще один, столь же ужасный. Строй аквилонцев содрогнулся — двое солдат, корчась в страшной муке, повалились на землю. А сверху, с нависающих над тропой ветвей громадных деревьев, на них падали истинные исчадия ада — чудовищные змеи со смертоносными жалами, длиной в семь локтей и толщиной с мужскую руку. Число их казалось бесконечным; ужалив одну жертву, они, стремительно извиваясь, ползли к следующей. В рядах аквилонских воинов вспыхнула паника.

— Не стойте, как истуканы! — заорал Конан. — Рубите их, рубите! Вы что, ублюдки, забыли про свои мечи?! Ну-ка, за дело! И держать строй!

Сам киммериец прикончил нескольких гадин, но их было слишком много. И вот первый солдат, отбросив лук, бросился бежать, а за ним — еще один, и еще… яростные крики и ругань Конана, грозившего беглецам всеми возможными карами, не помогали; не помог и его меч, и удары плашмя, которыми он попытался задержать бегущих. В краткие мгновения железный строй аквилонской пехоты превратился в беспорядочную толпу, в скопище людей, в страхе бросавших оружие и мчавшихся куда глаза глядят — куда угодно, лишь бы избавиться от несущего смерть ужаса.

И, как довершение этот кошмара, из-за стволов деревьев выскочили размалеванные дикари. Теперь им не составило большого труда расправиться с аквилонцами, потерявшими разум от боли и страха.

Ядовитые змеиные зубы достали капитана Арно — он лежал на земле, его тело сотрясалось в предсмертных судорогах, а душа уже ступила на тропу, ведущую к Серым Равнинам. Солдаты разбегались, падая под ударами пиктских топоров; жужжали стрелы с кремневыми наконечниками, воздух дрожал от стонов, воплей и боевого клича дикарей. Битва кончилась, началась резня.

Конан огляделся вокруг и понял, что поражение неизбежно. Не поражение — полный

разгром! Его солдаты были обречены и стоило подумать о собственном спасении. И о спасении тех, кому он еще мог помочь.

Неподалеку Флавий рубился с двумя пиктами.

— Ко мне! — закричал киммериец. — Пробивайся ко мне!

Уклонившись от удара топором, Флавий сумел достать одного из противников мечом и, отпрыгнув, очутился рядом с Конаном.

— Что делать, капитан? — Лицо его исказилось в отчаянии. Что будем делать?

— Только одно — выбираться из этой резни. Если хочешь остаться жив, держись за мной, парень!

Обнажив мечи, они принялись пробиваться сквозь толпу дикарей, падавших вокруг словно колосья под серпом жнеца. Никто из них не мог устоять против воинского мастерства Конана, никто не мог соперничать с ним силой, свирепостью быстротой. Через несколько мгновений, прорубив себе кровавую дорогу, они бросились бежать — обратно, по той самой тропе, которая привела сюда отряд. Их никто не преследовал; дикари добивали раненых аквилонцев, с опаской избегая места, где недавно стоял их несокрушимый строй. Там вместо пиктских копий и секир уже поработали смертоносные змеиные зубы.

3

Стараясь производить как можно меньше шума, Конан и Флавий осторожно пробирались по берегу протоки. От раздавшегося вдруг громкого всплеска молодой полусотник вздрогнул и вопросительно посмотрел на киммерийца. — Это бобры, — прошептал Конан. — Их слух гораздо тоньше человеческого — они учуяли нас и теперь хлопают хвостами по воде, предупреждают об опасности. Взгляни-ка! Вон там, впереди, над водой видна их плотина!

За этим сооружением, на противоположном берегу протоки, перед беглецами простиралась довольно большая поляна, а в ее центре торчал огромный, высотой в два человеческих роста, вертикально поставленный валун, в котором, присмотревшись, можно было различить грубые контуры человеческой фигуры. Рядом с ним был другой, значительно меньший по размеру камень, похожий на алтарь.

— Это Поляна Совета, — прошептал киммериец. — Когда пикты властвовали в здешних краях, их вожди, старейшины и шаманы собирались тут для обсуждения своих дел. Теперь, когда они снова захватили эти земли, они непременно придут сюда. Видишь, тут стоит их идол! И я думаю, что после разгрома нашего отряда им будет о чем потолковать, а нам — о чем послушать. Если спрятаться за бобровой плотиной…

— Нас увидят, капитан, — запротестовал Флавий, — это ведь почти рядом с капищем!

— А мы сделаем так…

Конан обломил пару зеленых ветвей и сорвал несколько белоснежных водяных лилий, укрепив затем этот своеобразный букет на своем шлеме.

— Но так мы замаскируем лишь головы, а как же тела?

— Поток рядом с запрудой мутный, там нас никто не заметит.

— Ты хочешь сказать, капитан, что мы залезем по шею в воду?! Но не известно ведь даже, появятся здесь пикты или нет…

— Ничего страшного, постоим, сколько понадобится. По мне так лучше схватить простуду, чем потерять голову.

Молодой аквилонец тяжело вздохнул.

— Наверное, ты прав, капитан Конан.

— Разумеется. Если я хотел бы раз ошибся, моя голова давно уже служила бы украшением хижины какого-нибудь пиктского вождя.

Не тратя более времени на разговоры, Конан зашел в протоку и направился к бобровой запруде, примерно на локоть выступающей над поверхностью воды. Флавий без колебаний последовал его примеру, положившись на опыт старшего своего товарища. Вода у самой плотины достигала им до подбородков, и в ее тени их головы и шлемы, прикрытые зеленый камуфляжем, были почти незаметны.

— А теперь нам действительно придется подождать, — промолвил Конан. — Ты как считаешь, сможешь простоять здесь не двигаясь, пока солнце не опустится на ладонь?

— Придется! Ведь ты сам сказал, что другого выхода у нас нет.

Киммериец лишь приподнял уголок рта в одобрительной усмешке.

Предвечернюю тишину нарушало лишь кваканье лягушек, которые приостановили было свой концерт при появлении людей, но вскоре успокоились и принялись с новой силой выводить звонкие рулады. Солнце клонилось к западу, бросая на поверхность воды у плотины алые отблески; казалось, что в мутный поток вплетены струйки крови. Вдруг Флавий приглушенно охнул.

— В чем дело? — недовольно прошептал киммериец.

— Кто-то вцепился мне в ногу, — так же тихо ответил полусотник. — Больно!

— Тоже мне, страдалец! Это все-навсего пиявки. Ничего с тобой не сделается, всю кровь они из тебя высосать не успеют.

Но Флавий был на этот счет несколько другого мнения и попытался избавиться от присосавшихся к его ноге кровожадных тварей. В этот самый момент Конан выдохнул:

— Тихо! Не шевелись! Пикты! Вот они!

Из леса на поляну вышла группа дикарей, еще не смывшых с тел устрашающей боевой раскраски. Они оживленно и шумно что-то обсуждали — вероятней всего, подробности недавней битвы и своей победы. Флавия поразила их непосредственная, едва ли не детская радость — судя по рассказам старых воинов, людей бывалых и опытных, пикты отличались угрюмым нравом и совсем не любили лишних разговоров.

Вскоре на Поляне Совета сгрудилось множество людей, среди коих большую часть составляли вожди и шаманы, отличавшиеся своими одеяниями от простых воинов, облаченных только в сапоги из шкур да набедренные повязки. По раскраске и перьям в волосах можно было понять, что сюда пришли предводители племен Волка, Ястреба, Черепахи, Рыси и Ворона. По-прежнему слышались радостные возгласы и смех, многие прикладывались к бурдюкам и флягам с кислым вином.

— Посмотри, — тихо сказал Флавий, — здесь пикты из нескольких разных племен, и они отлично ладят друг с другом, хотя еще недавно были смертельными врагами.

— Им ничего не оставалось, как объединиться и забыть про междоусобицы, иначе дикарям не под силу противостоять Аквилонии. И если б все племена по ту сторону Громовой реки смогли бы договориться, наш достойный король расстался бы с большей частью этих земель. Неважно, присоединил ли он их по закону или нет.

Внезапно киммериец, склонившийся к уху Флавия и говоривший шепотом, едва удержался от изумленного возгласа. На поляне появились два человека, выделявшиеся по виду из общей массы размалеванных дикарей. Один из них был шаманом — его длинную кожаную накидку украшали звериные хвосты, причудливый головной убор казался составленным из искусно подобранных птичьих перьев. Второй же носил обычную одежду аквилонских пограничных стражей — потертую кожаную куртку с металлическими защитными бляхами, штаны и сапоги.

— Клянусь, Кромом! — прошипел киммериец. — Ты узнаешь Эдрика, лазутчика графа Лусиана? Проклятый изменник! А рядом с ним — Сагайета, новый шаман пиктов!

Дикари почтительно расступились перед новоприбывшими, которые подошли к плоскому камню-алтарю. Тот, в ком Конан узнал человека Лусиана, медленно и раздельно заговорил на хайборийском, обращаясь к собравшимся, а стоявший рядом шаман переводил его слова.

— Вы только что убедились, что великий военачальник, благородный граф Лусиан выполнил свое первое обещание: привел аквилонский отряд в указанное вами место. Теперь вы можете не сомневаться, что вся провинция Чохира, как и обещал граф, снова перейдет в ваши руки. Но за это придется заплатить: вашему верному и благородному другу нужна сейчас третья часть тех денег, которые были обещаны ему за неоценимую помощь в возвращении исконных ваших земель.

Шаман закончил переводить речь Эдрика, сделал небольшую паузу и добавил еще несколько слов — явно от себя.

— О чем он говорит? — спросил Флавий, не знавший языка пиктов.

— Он дал согласие на выплату этой суммы. Сейчас придут его люди с деньгами… Смотри же, вот они!

Четверо пиктов, вышедших из леса, с трудом тащили на плечах огромный тяжелый сундук, висевший на толстой, похожей на бревно палке. Они поставили свою ношу на землю, Эдрик

подошел к ней и поднял окованную медью крышку ящика. Запустив в него обе руки, он вытащил горсть монет, полюбовался на блеск золота и высыпал деньги обратно.

— Откуда у дикарей взялось это сокровище? — прошептал удивленный Флавий. — Ведь собственную монету они не чеканят, в торговле с нами очень редко берут деньги. Им нужны украшения, ткани и оружие, а не бесполезные желтые кругляши!

— А ты разве не узнаешь этот сундук? В казначействе Аквилонии такие обычно используют для перевозки звонкой монеты. Думается мне, что в этом было жалованье солдат из форта Тусцелан — его так и не успели выдать накануне штурма.

— Но Лусиан, граф Лусиан, наш военачальник! Как мог он, потомственный нобиль, продаться пиктам?

— Хмм… У меня есть на сей счет кое-какие предположения, Флавий.

— И Эдрик, Эдрик! Неужели мы допустим, чтобы предательство сошло с рук этому гнусному шпиону?! — Флавий гневно стиснул кулаки. — Мне кажется, я смогу добраться до его горла прежде, чем дикари успеют поднять оружие!..

— Только попробуй, и пожалеешь, что родился на свет! Ты разве не понял, как важно нам добраться до Велитриума и сообщить то, о чем мы здесь узнали? Эти сведения куда дороже жизни какого-то ублюдка! А потому держи-ка язык за зубами, приятель, да нагни пониже голову — хоть теперь пиктам не до нас, но осторожность все ж таки не помешает.

Тем временем пиктские воины, сгибаясь под тяжестью сундука, удалились с поляны, сопровождаемые Эдриком. Шаман Сагайета взобрался на плоский алтарный камень и начал длинную торжественную речь, в которой превозносились доблесть и мужество пиктов. Столпившиеся вокруг дикари встречали его слова торжественным гулом и радостными воплями, а затем пустились в странный причудливый танец, движения которого как бы имитировали их действия во время недавней битвы. По рукам снова пошли бурдюки с вином, пляска становилась все более дикой и необузданной, и спустя некоторое время все пикты, включая шамана, валялись точно бревна на траве Поляны Совета.

Выждав еще немного, дабы убедиться, что опасности больше нет, Конан велел Флавию следовать за ним, и беглецы с превеликой осторожностью двинулись к берегу. Солнце село; в наступившей ночной тишине, которую по-прежнему нарушало только лягушиной кваканье, киммериец быстро пробирался вперед по узкой, почти незаметной лесной тропинке. Молодой полусотник был не так ловок; он то и дело спотыкался о выступающие из земли корни или задевал ствол дерева, пока не понял, что ему лучше всего идти по следам капитана, который, похоже, мог видеть в темноте как лесная кошка. Казалось, сам гигант-варвар не ведает усталости, однако заметив, что его менее выносливый спутник начал задыхаться, выбившись из сил, Конан остановился, дав ему время отдохнуть. Впрочем, утомление не заставило неугомонного аквилонца прекратить свои бесконечные расспросы.

— Так почему же граф Лусиан оказался предателем? Ты говорил, что догадываешься…

— Ну, это довольно просто, парень. Ведь после того, как пикты захватили Тусцелан, графу, как командующему легионом пограничной стражи, фактически стала подчиняться все Конаджохара.

— И что с того? Конаджохара! Невелик почет! Глушь, дикие нравы, дикие люди… Это всего лишь небольшой кусок побережья Громовой реки. Три бедные провинции — Конавага, Чохира да Орискония, всего один город…

— Я про то и говорю. Губернаторы соседних провинций станут требовать у короля, чтобы земли Конаджохары были поделены между ними — и мне кажется, что наш добрый Нумедидес не станет этому препятствовать. И что тогда останется Лусиану? Большая часть его владений отойдет к Боссону, а тамошний губернатор Тасперас — злейший враг Лусиана. Теперь

понимаешь, отчего нашему графу выгодно сдать пиктам Чохиру? Он подложит свинью Тасперасу, а кроме того, получит огромные деньги! В гарнизоне Тусцелана была тысяча воинов, а жалованье они не получали целых полгода! Прикинь, какую сумму это составляет! А всему Велитриуму известно, что Лусиан более всего на свете любит играть в азартные игры и ставки делает крупные. В последнее время ему, наверное, больше везет в любовных делах, чем в игре, и за ним значатся огромные долги, так что Сагайета подвернулся ему очень кстати.

— Но если Чохира снова перейдет к пиктам, что же будет с теми, кто там живет? Кто получил там землю?

— Думаешь, Лусиан из-за того ночами не спит? Его одно заботит — благополучие и процветание собственной персоны. И в том, как я полагаю, он мало отличается от остальных ваших нобилей…

— Ты не прав, капитан! Вот ты упомянул губернатора Боссона — он никогда бы не сделался предателем!

— Про барона Тасперасa я и в самом деле не могу сказать ничего дурного. Он даже оставил в пограничье своих людей — после того, как пал Тусцелан, и присланные нам на подмогу войска остальных губернаторов были отозваны. Но вообще-то я не доверяю аристократам: они, как шакалы, рвут себе богатства да владения, а случись какая беда, удирают первыми. Ну, а что касается предательства Лусиана… Тут палка о двух концах! Дикари-то, наоборот, считают его деяние благородным — ведь он вернул им земли, которые Аквилония получила обманным путем.

— Не могу понять, капитан — ты с таким презрением говоришь об аквилонцах, и в то же время поступил на королевскую службу. Да еще рискуешь ради нас жизнью в этих гибельных местах, — в недоумении произнес Флавий.

— С чего ты взял, что я вас презираю? Нет, Флавий, в твоей стране я встретил множество достойных людей, но, видишь ли, немногие из них принадлежат к знати. А жизнью я рискую, если уж говорить начистоту, не ради вас — просто я привык хорошо делать свое дело. Ведь я командую наемниками и чаще всего продаю меч не тому, на чьей стороне правда, а кто больше мне заплатит. Но пойдем! Если мы будем и дальше молоть языками, то не успеем до рассвета выбраться из этого проклятого леса. Пошли!

4

Конан и Флавий, в обществе двух наспех одетых и, видимо, только что поднявшихся с постели мужчин, сидели в небольшой, освещенной масляной лампой комнате в казармах Велитриума. Тяжелый дневной переход под лучами палящего солнца, последующее сражение с пиктами, долгие часы, проведенные в холодной воде, — все это совершенно не отразилось на состоянии варвара, тогда как его молодой спутник был полностью измотан. И потому Флавий почти не принимал участия в разговоре, с трудом удерживаясь, чтобы не заснуть прямо за столом. Двое других аквилонцев резко отличались друг от друга: один из них был коренастым человеком с седой бородкой и покрытым шрамами смуглым лицом; второй — аристократического вида высокий юноша, на плечи коего спускались длинные локоны светлых волос. Собравшиеся обсуждали события прошедших дня и ночи.

— То, что ты рассказал, звучит очень странно, капитан Конан, — заговорил молодой блондин, — Граф Лусиан — один из знатнейших нобилей Аквилонии, и поверить, что он продал свою страну, жизни наших солдат за пиктское золото… нет, это совершенно невозможно!

Киммериец презрительно пожал плечами.

— Верить или не верить — твое дело, Лаодамас, однако Флавия тоже свидетель этому. Он видел и слышал все!

— Как ты считаешь, Глико, — обратился Лаодамас к седому воину, — имеем ли мы дело с изменой, или у них обоих просто помутился разум?

— Мы действительно услышали сейчас невероятные вещи, — после некоторой паузы ответил тот. — Но ты ведь знаешь, что полусотник Флавий — достойный молодой командир, а Конан из Киммерии дослужился в нашем войске до чина капитана и не единожды доказал свое мужество и верность. А вот граф Лусиан известен мне намного меньше, ибо он командует нашим легионом не так уж давно.

— Но граф Лусиан — аристократ! Знатный нобиль! — воскликнул Лаодамас.

— Великое дело! — фыркнул киммериец. — Просто смех берет, до чего вы, люди благородной крови, уверены, будто наследственный титул, как щит, оберегает аристократа от слабостей и пороков, присущих нам, простым смертным! Ты еще молод, Лаодамас, и вот тебе мой совет: присмотрись-ка хорошенько кое к кому из своих собратьев, и ты узнаешь о них такое…

— Но даже если все, что ты натворил, было бы правдой… Да подожди!.. — воскликнул юноша, заметив блеснувший в глазах Конана гнев. — Подожди, я ведь не сказал, что это ложь! Но ты представляешь, в каком мы оказались положении? По-моему, мы сейчас отправимся к командующему легионом Золотых Львов и с порога скажем, что он — гнусный предатель, а мы заявились, чтобы заточить его в темницу? Так?

Киммериец скривил угол рта в недоброй усмешке.

— Не считай меня глупее, чем я есть на самом деле, Лаодамас. Разумеется, необходимы доказательства — и они у нас будут! Например, пройдоха Эдрик с четырьмя пиктами, которые тащат Лусиану тяжеленный ящик с золотом… Ведь должен же наш благородный граф получить то, что честно заработал! Мы с Флавием старались добраться сюда побыстрей и почти не отдыхали — видишь, парень совсем выбился из сил, — а та компания движется не так проворно и, я думаю, не раз отдыхает у своего сундука. Так что мы успеем перехватить их прежде, чем кровавое золото будет доставлено по назначению.

Выслушав эту речь, седобородый Глико хмыкнул с одобрением, и Лаодамас, поколебавшись, кивнул головой.

* * *

Ночь уже близилась к концу и на востоке уже вспыхнули рассветные зарницы, когда киммериец и трое аквилонских военачальников подошли к небольшой пристани, около которой на волнах Громовой реки раскачивались несколько небольших лодок. От вод уже поднимался предрассветный туман, звезды тускло мерцали на бледнеющем небе. Было очень тихо; лишь изредка плескала волна да терся о причал лодочный борт. И потому, когда совсем рядом внезапно раздалось уханье совы, все вздрогнули. Но Конан лишь покачал головой: на этот раз они на самом деле слышали голос ночной птицы.

Ждать им пришлось недолго. Заря еще не успела разгореться, как киммериец прислушался и предостерегающе поднял руку.

— Похоже, это они… Быстро в укрытие!

Стараясь не шуметь, все четверо затаились под пристанью — более удачного места, чтобы остаться незаметными, здесь не нашлось. Теперь и спутники Конана слышали скрип уключин и мерный плеск весел, что становился все ближе и ближе. Вскоре из сумрака выплыла неясная тень — к пристани приближался челнок, и над его бортами виднелись расплывчатые силуэты людей. Их было пятеро.

Когда лодчонка достигла берега, один из сидевших в ней выпрыгнул на доски причала и привязал ее, тогда как остальные кряхтя от натуги, принялись вытаскивать из лодки какой-то большой и, судя по всему, на редкость тяжелый предмет. Подставив плечи под толстый шест, на котором была укреплена эта ноша, они потащили ее за пятым своим товарищем, шедшим налегке. Сидевшие в засаде приметили, что на плечах носильщиков болтались плащи аквилонских солдат — вероятно, перед тем, как отправиться речной дорогой, пиктов сменили доверенные люди Лусиана.

Когда процессия приблизилась к укрытию перед ней, как призрак, явившийся с Серых Равнин, выросла могучая фигура киммерийца.

— Всем стоять! — рявкнул он. — Стоять, или вам конец! - Спутники Конана уже приближались с обнаженными клинками, стараясь отрезать пути к отступлению. Но изменники оказались проворней — они успели сбросить с плеч тяжелый сундук и стремглав бросились к своему суденышку. Один из них перерезал веревку, а остальные, попрыгав в челн, тут же схватились за весла. Однако их командир — а это был Эдрик, находившийся на пару шагов дальше от лодки и тоже попытавшийся спастись бегством — был менее удачлив. Он споткнулся о валявшийся на пристани ящик, и длинный меч Конана уколол его в шею.

— Попробуй только шевельнуться — и это будет твоим последним движением в жизни, — холодно сказал киммериец и повернулся к спутникам. — Преследовать остальных нет смысла, нам вполне достаточно этого пса. Ты ведь не станешь скрывать, Эдрик, кто заманил наших солдат в ловушку? Не сомневаюсь, что у тебя найдется его много такого, о чем стоит рассказать. Не правда ли, приятель?

Изменник угрюмо молчал. Конан бросил на него взгляд, не предвещающий ничего доброго.

— Ладно, у нас еще будет время для беседы. — Он убрал меч и махнул рукой трем аквилонским военачальникам. — Пошли! Отведем его в казарму и допросим.

— Послушай, Конан, — обеспокоено сказал Флавий, — как же мы дотащим этот сундук? Его несли четверо здоровых парней, а нам еще надо присматривать за этим мерзавцем.

— Свяжи ему для начала руки ремнем — его собственным, конечно. И следи хорошенько! Ну, а что касается сундука… — Тут киммериец толкнул побледневшего предателя к Флавию, а сам потянулся, как огромный кот, и расправил плечи. — Попробуйте-ка приподнять его с земли,

— кивнул он к Глико и Лаодамасу, — так мне будет сподручнее.

Напрягая все силы, два аквилонца, подставив плечи под жердь, с немалым трудом оторвали тяжеленный груз от досок пристани. Конан согнул спину, примерился — и, взвалив ящик на плечи, резко выпрямившись, встал.

— Великий Митра! — протянул изумленный Лаодамас. — Если бы я не видел этого собственными глазами, никогда б не поверил, что человек способен поднять такую тяжесть!

— Ваше дело — не упустить Эдрика, — буркнул киммериец. — И пошли скорее — не могу сказать, чтобы мне нравилось тащить на хребте этот груз, хоть он и был бы чистым золотом!

Вскоре по улицам Велитриума в предрассветных сумерках двигалась странная процессия: впереди Лаодамас и Глико вели между собой связанного изменника, а Флавий, шедший за ними, время от времени подгонял Эдрика, покалывая между лопатками острием клинка. Последним, сгибаясь и пошатываясь под своей неподъемной ношей, шел гигант-киммериец. Когда они достигли казармы, у часового от удивления отвисла челюсть, но, узнав командиров, он проворно распахнул перед ними ворота.

5

Ящик опустили посреди комнаты в казарме легиона Золотых Львов; рядом с ним на табурет был усажен Эдрик со связанными за спиной руками. Четверо военачальников разместились вокруг него.

— Итак, доказательства перед тобой, Лаодамас, — с трудом переводя дыхание, проговорил киммериец. Потом он обратился к Эдрику: — Ну, приятель, будешь говорить сам, или мне хорошенько попросить тебя об этом? Я, знаешь ли, знаком с некоторыми способами убеждения, которые обычно используют твои друзья пикты.

Пленник угрюмо молчал, опустив голову.

— Прекрасно, — с хмурой усмешкой произнес Конан, — не хочешь по-доброму, не надо. Флавий, — обратился он к полусотнику, — ты отобрал у него нож? Дай-ка его мне. Не люблю портить свой клинок, — пояснил он остальным. — Когда сталь раскаляется докрасна, это не идет ей на пользу.

По лицу Эдрика разлилась смертельная бледность.

— Я все скажу… — прошептал он сдавленным голосом. — Ты, варвар, и в самом деле не остановишься ни перед чем… Так вот: все началось с того, что наш барон, губернатор Орисконии, предложил мне с приятелями немалые деньги, коль мы поможем ему в одном деле… в таком, что в случае успеха Чохира была бы возвращена пиктам. Мы в своей провинции не очень-то интересуемся судьбой других земель, а монеты мне были нужны… И дурак же я был, что согласился! Когда имеешь дело с благородными, ничего хорошего не жди. Эти чванливые свиньи…

— Эй, придержи-ка свой грязный язык, пес! — возмутился Лаодамас. — Как смеешь ты облаивать родовитых людей! Я вырву твой язык и…

Лаодамас не закончил свою угрозу: нетерпеливым жестом оборвав его, Конан велел Эдрику продолжать. Лазутчик признался, что он со своими людьми по приказу графа Лусиана заманил аквилонский отряд в засаду, подстроенную дикарями. Граф, по словам Эдрика, желал доказать пиктам, что обещанное выполнит — иначе он не получил бы денег, в которых очень в тот момент нуждался.

— А устроил ловушку шаман Сагайета, — добавил Эдрик. — Этот проклятый колдун ведает заклинания, благодаря коим подчиняются ему эти жуткие пиктские гадюки. Говорят, заклятья эти таковы, что душа Сагайеты вселяется на время в тело владыки змей…

Киммериец почувствовал, как при упоминании о гигантских ядовитых тварях по спине его потянуло морозом.

— Как ты считаешь, — обратился он к Эдрику, — зачем Лусиан собирался отдать Чохиру дикарям?

— Понятия не имею, — пожал плечами разведчик. — Мне, как и благородному графу, были нужны деньги, а остальное меня не слишком интересовало…

— И зря, между прочим. Если б ты немного пошевелил мозгами, то сообразил, что наш достойный граф тебя в живых не оставит. Ни тебя, ни других, кто мог бы разболтать о его измене.

Эдрик побледнел еще сильней.

— Великий Митра! Об этом я не подумал… — прошептал он.

— То, что этот тип — предатель, мы поняли, — вмешался в разговор Лаодамас. — Но что, если он врет и наговаривает на графа Лусиана, чтобы выгородить себя?

— Ну, конечно! Ведь благородный нобиль просто не может быть способен на гнусный

поступок! — взорвался киммериец. — А отряд он послал на смерть по чистой случайности! Скажи, Глико, ты знаешь, сколько вернулось наших?

— До вчерашнего вечера к своим пробились человек тридцать. Я надеюсь, что кто-нибудь еще блуждает по лесу и доберется в Велитриум позже.

Конан грохнул кулаком по столу.

— Тридцать человек! — проговорил он срывающимся от гнева голосом. — А было их больше сотни, гандерландцев и моих боссонцев! Я знал каждого своего бойца, учил их воевать, делил с ними кусок лепешки и глоток вина! А капитан Арно? Хоть не был он моим другом, но таких опытных и храбрых солдат немного найдется во всей аквилонской армии! Я отомщу за него и за своих людей! Отомщу Лусиану! Как бы он не заметал следы, за свое предательство он ответит сполна, я уж об этом позабочусь! — Глаза Конана сверкнули и погасли; затем, повернувшись к аквилонцам, он сказал: — Ну, хватит болтовни! Теперь нам пора действовать. Глико, Лаодамас, отправляйтесь к своим сотням — нам потребуется два десятка надежных солдат, которым вы полностью доверяете. Предупредите их, что мы нашли измену среди самых высоких людей, и пусть они будут готовы выполнить любой ваш приказ и подчиняются только вам. А ты, Флавий, отведи Эдрика в темницу, и пусть его запрут в одиночной камере. Встретимся на рассвете, на плацу.

— Послушай, Конан, — начал Лаодамас, — я готов согласиться с твоим планом и участвовать в деле, но почему, собственно, ты принял на себя командование? В конце концов, я потомственный нобиль и стою в списке военачальников легиона не на последнем месте…

— Покомандовать хочешь, сопляк?! — внезапно рыкнул молчавший до сих пор Глико. — И про список еще вспомнил! Между прочим, я стою в нем повыше тебя! Так что слушай мой приказ: нашим командиром будет Конан! Он раскрыл это грязное дело, и он доведет его до конца.

— Но все же… — не унимался Лаодамас. — У графа в подчинении столько людей! Мы обвиним его в предательстве, а он в ответ назовет изменниками нас. Кому поверят солдаты? Они нас без суда повесят, как заговорщиков!

— Вот мы и посмотрим, кому поверят, — спокойно сказал Конан.

* * *

Когда в назначенное время на плацу перед казармами выстроились, возглавляемые десятниками, солдаты Лаодамаса и Глико, Конан рассказал им, для чего их здесь собрали, и кто был виновником происшедшей вчера в пиктском лесу резни. Затем, велев четырем самым здоровым парням нести драгоценный сундук, он повел людей к резиденции графа Лусиана.

Командующий пограничной стражей Конаджохары располагался в роскошном особняке в центре города, окруженном садом. На улицу выходила открытая терраса, к которой вела широкая лестница о двенадцати ступенях; в теплое время ее покрывал ковер. У лестницы стояли стражи. Когда Конан со своим отрядом приблизился к дому, двое часовых заступили ему путь.

— Нам нужно видеть графа Лусиана. Если вы не желаете пропустить нас в дом, вызовите его сюда! — потребовал киммериец.

— Графу не нравится, когда его тревожат так рано, — со смущенным видом сказал часовой. — Он еще, пожалуй, не одет…

— У меня важное дело! — рявкнул Конан. — Не сомневаюсь, что раде него граф поторопится. Зови его сюда, приятель, да побыстрее!

Заметив по угрюмым решительным лицам солдат, что те не склонны к шуткам, охранник

скрылся за дверью. В это время к террасе подвели жеребца в богато украшенной сбруе, отделанной серебряными бляшками. Киммериец не мог не залюбоваться великолепной статью животного.

— Это конь графа? — поинтересовался он у второго стража.

— Да, капитан. Благородный граф Лусиан перед завтраком обычно ездит верхом, — ответил оставшийся у входа часовой.

На террасу вышел посланный к Лусиану охранник и доложил:

— Граф просит подождать, капитан. Сейчас у него брадобрей и…

— Копыта Нергала! Ты что, не понял меня, приятель? У нас срочное дело, и если граф не соизволит немедленно выйти к нам, мы войдем к нему сами.

Часовой снова отправился в дом, и на сей раз доклад его возымел нужное действие — двери распахнулись, и в дверях появился граф Лусиан. Его и вправду заставили прервать утренний туалет: он был обнажен до пояса, на шее висело полотенце из тончайшей льняной ткани. Граф Лусиан был коренастым человеком среднего роста и не первой молодости; некогда он отличался большой силой, но сейчас мышцы его заплыли жирком и одрябли. Длинные усы, обычно напомаженные и воинственно торчащие вверх, сейчас неопрятно свисали до подбородка.

— Что случилось, капитан? — спросил он крайне недовольный тоном. — По какой причине меня беспокоят в столь неурочный час? И затем, у меня совершенно нет времени! Принеси-ка табурет, — обернулся он к часовому. — Пусть капитан излагает свое дело, а цирюльник завершает свою работу. Ну, так что ты имеешь сказать, капитан… Конан, если не ошибаюсь?

— Для начала мы кое-что покажем, граф! — Киммериец махнул рукой, и по лестнице поднялись четверо солдат, сгибаясь под тяжестью огромного, окованного медью сундука. Опустив его на украшенный мозаикой пол террасы, они снова присоединились к своим товарищам, ожидающим, по указанию Конана, внизу.

Других доказательств не требовалось — увидев сундук аквилонского казначейства, в котором перевозилось золото, граф Лусиан побледнел как полотно и изменился в лице. Руки Глико и Лаодамаса непроизвольно потянулись к рукоятям мечей.

Киммериец отбросил крышку ящика, ослепительно-яркие лучи утреннего солнца заиграли в золоте монет. Граф нахмурился, тогда как часовые не могли оторвать завороженных взглядом от содержимого сундука.

— Игра закончена, Лусиан, — решительно сказал киммериец. — Этот сундук — доказательство твоей измены. Не знаю, что сделает с тобой король, когда ему доложат о предательстве, а свое слово я скажу сейчас: нельзя представить поступок гнуснее, чем совершен тобой. Ты послал на гибель собственных солдат — воинов, преданно исполнявших твои приказы и жизнью заплативших за твою подлую измену!

Лусиан, все еще ошеломленный и молчаливый, лишь непроизвольно облизнул пересохшие губы.

В глазах Конана сверкнули презрение и ненависть.

— Нам известно, что пикты передали для тебя это золото, захваченное ими в Тусцелане. И у нас есть признание твоего человека, Эдрика. Оно полностью тебя изобличает. Арестовать его!..

При этих словах граф вскочил с табурета и, вырвав из рук цирюльника тазик, плеснул мыльной водой в глаза Конану. Затем, натужившись так, что вздулись жилы, он ухватился за край стоявшего у самой лестницы сундука и опрокинул его. Из ящика посыпался вниз сверкающий дождь золотых монет.

Солдаты Конана, не ожидавшие такого поворота событий и в жизни не видевшие столько золота, попытались остановить драгоценный ручеек и не дать ему растечься по улице. Пока

киммериец протирал залитые мыльной пеной глаза, а воины подбирали монеты, Лусиан во всеобщей неразберихе проскользнул мимо них, скатился по лестнице и, взлетев в седло гарцевавшего у крыльца скакуна, бешено дернул поводья. В следующий миг жеребец, вздымая клубы пыли, понесся прочь, унося изменника-графа.

Очнувшись от столбняка Лаодамас закричал своим солдатам, чтоб бежали в казарму да отрядили верховую погоню. Но Конан остановил его.

— Поздно, Лаодамас! Нам его не догнать — у Лусиана лучший скакун во всей Конаджохаре, Да, собственно, нам он не столь уж нужен — главное, что мы от него избавились. О его измене мы сообщим королю, и пусть сам владыка думает, что делать с графом. Возможно, что достойный нобиль отделаешься лишь ссылкой в другую провинцию… Нам же сейчас надо остановить пиктов! Если они захватят Чохиру, прольются реки крови!

Затем Конан повернулся к солдатам, ползавшим на коленях у лестницы.

— Быстро подберите монеты и отнесите сундук в казарму! А потом мы займемся делали посерьезней — попробуем, во имя светозарного Митры, сохранить Аквилонии этот край, а людям, населяющим его, — жизнь.

6

— Одно дело сражаться против пиктов, даже если их и больше в несколько раз, и совсем другое — эти их гадюки, что падают с деревьев, — сказал Глико. — Моих людей сильно напугали рассказы солдат, уцелевших после того страшного боя.

— Так вести войну не по правилам, — поддержал седобородого капитана Лаодамас. — Я никогда не трусил в открытом бою, но змеи — это уже слишком! Надо бы разнесет их там в клочья, а стрелки закончат дело. К тому же и со змеями на равнине будет легче справиться…

— Посмотрел бы я, как ты их туда выманишь, — усмехнулся Конан. — Ведь всякому ясно, что на Чохиру пикты пойдут через Южную Протоку. А там равнин нет, там — сплошные леса.

— Но равнина есть вокруг форта Скондар, — не сдавался Лаодамас. — Мы можем перегруппировать наши силы, занять оборону около крепости, и тогда мои кавалеристы…

— Как ты не понимаешь, что пикты не станут драться там, где не смогут использовать свое преимущество? Мы что же, так и будем сидеть за крепостными стенами и ждать, когда они пожалуют к нам? Ждать придется долго — пока они не выжгут всю Чохиру и утопят ее в крови!

— А ты что предлагаешь? — спросил Глико.

— Я послал в лес своих разведчиков, надежных парней. Они выяснят, в каком месте дикари собираются преодолеть протоку. Вот там мы их и встретим.

— Но змеи?.. — продолжал свое Лаодамас.

— Дались тебе эти змеи! Можно подумать, ты собрался играть в игрушки, а не воевать! Чтобы избавиться от змей, надо прикончить Сагайету, только и всего! И этим придется заняться мне, другого выхода у нас нет.

* * *

Поляна Совета находилась на самом берегу протоки, там, где она замедляла свое течение и разливалась настолько широко, что вокруг возникли небольшие заболоченные озерца. Река здесь мелела, и поэтому множество тропок и дорожек сходились к месту, служившему удобной переправой.

Конан вывел свой отряд на большую прогалину на опушке леса. Как обычно, впереди шли копьеносцы с тяжелыми щитами, за ними — лучники, охватившие полукругом край поляны. Кавалерия Лаодамаса встала на правом фланге.

Киммериец обходил воинский строй, проверял снаряжение солдат, немудреными шутками пытался приободрить их, снять напряжение перед боем.

— Ты не забыл выделить людей, которые займутся факелами? — спросил он у Глико.

— Они уже почти готовы, — ответил седой капитан, указывая на группу воинов, которые наматывали на древки копий паклю.

— Хорошо! Только предупреди их, что зажигать огонь надо лишь тогда, когда появятся пикты. Нельзя, чтоб дикари обнаружили нас раньше времени.

Пройдя на правый фланг, киммериец обратился к Лаодамасу:

— Помнишь, что надо делать? Веди всадников в атаку, когда основные силы дикарей достигнут середины брода. Не позже и не раньше!

— Не нравится мне это: так мы получаем незаслуженное преимущество, — начал свою обычную песню Лаодамас. — А это противоречит кодексу…

— Клянусь Кромом, до чего же ты мне надоел со своими благородными правилами! Вот

когда будешь выступать на рыцарском турнире, там и держись своего дурацкого кодекса! А сейчас ты на войне, и твоя задача — любым способом вырвать победу. Короче, ты хорошо понял приказ? Вот и отлично! Понял, так выполняй его!

Снова вернувшись к строю ощетинившейся копьями пехоты и к лучникам, Конан разыскал Флавия.

— Твои парни готовы, капитан Флавий?

Услышав свое новое звание, молодой аквилонец зарделся от удовольствия и гордости.

— Готовы, мой командир! И мы приготовили запасные колчаны!

— Прекрасно. Хоть ты не изводишь меня глупыми рассуждениями о благородстве, правилах и дворянской чести! Я рад, что могу положиться на тебя, Флавий.

Ответом ему была благодарная улыбка новоиспеченного капитана.

К полудню начали возвращаться посланные в разведку лазутчики. Конан внимательно выслушивал их донесения и рисовал какие-то знаки на тонком куске коры, отмечая, где располагаются силы противника.

Пикты начали переправляться через реку только к вечеру. Освещенные лучами закатного солнца, потрясая топорами и копьями, полуголые размалеванные дикари с воинственными криками выбирались на пологий берег протоки.

Стоявший рядом с Конаном Флавий воскликнул:

— Митра! Сколько же их! Опять раз в десять больше, чем нас — как и в том бою!

Конан мрачно кивнул и поднял руку. По этому сигналу боевая машина аквилонцев пришла в действие: копьеносцы выставили вперед свое грозное оружие, лучники положили руки на колчаны со стрелами, загорелись сделанные из древков факелы.

Раздался звук боевого рожка пиктов, и тут же дикари с воем бросились через поляну. Навстречу им ударил град аквилонских стрел.

Орда полуголых дикарей в боевой раскраске с разбегу налетела на выставленные солдатами пики. Их было там много, что когда один напарывался на острие копья, пригибая его вниз тяжестью своего тела, другой тут же, яростно размахивая топором, лез в образовавшуюся брешь. Этот натиск принял на себя второй ряд аквилонских воинов.

Конан сражался в центре строя, как скала возвышаясь среди гандерландских копьеносцев. Тяжелый боевой топор киммерийца без устали разил пиктов, отрубая руки, разбивая черепа и чуть ли не напополам рассекая тела противников. Из горла гиганта вырывался яростный, похожий на львиный рык боевой клич, он с головы до колен был забрызган кровью, от его смертоносных ударов на землю падали все новые и новые жертвы. Убедившись, что схватка с этим страшным великаном несет неминуемую гибель, пикты, несмотря на свое безумное мужество и храбрость, старались держаться подальше от него. Но окровавленный грозный топор настигал их повсюду.

Вскоре натиск дикарей ослаб, и постепенно они стали откатываться назад. С трудом переводя дыхание, Конан опустил свою огромную секиру. Обернувшись, он увидел, что к нему торопится Флавий.

— Мы не сможем долго продержаться, Конан! Почему медлит кавалерия Лаодамаса?

— Еще не время, парень. Взгляни, на том берегу пиктов в пять раз больше, чем переправилось сюда. И твоим ребятам придется держаться: это столкновение еще не настоящий бой, а всего-навсего проверка наших сил. Сейчас они отступят, но ненадолго.

В самом деле, резко и повелительно затрубил рожок, и дикари, развернувшись, помчались обратно к протоке, предоставляя боссонским стрелкам беспрепятственно всаживать стрелы в их голые спины.

Когда последний пикт бросился в воду, Конан приказал лучникам подобрать стрелы,

выдернув их из валявшихся на земле трупов. Аквилонцы переводили дыхание после боя, проверяли оружие и жадно прикладывались к фляжкам с водой.

— Уф-ф-ф… — тяжело выдохнул Флавий, стаскивая с головы шлем и вытирая испарину со лба. — Но если это было, как ты говоришь, пробой сил, что же случится в настоящем бою? Кстати, тебе известно, что дикари будут делать теперь?

— А тут и гадать нечего. Пикты не были бы пиктами, если б из раза в раз не повторяли действия, единожды принесшие им победу.

— Ты хочешь сказать, что на нас опять нападут змеи?..

— Не сомневаюсь. Они уже готовятся к этому… Слышишь? Из глубины леса донеслась барабанная дробь — в особом, уже слышанном прежде аквилонцами ритме; вероятно, эта магическая мелодия созывала из близлежащих окрестностей гигантских рептилий. Молодой капитан непроизвольно передернул плечами.

— Уже вечереет, — в словах Флавия чувствовалась заметная тревога. — Скоро мы не сможем ни увидеть пиктов, чтобы достать их стрелой, ни разглядеть этих мерзких гадюк, чтобы угостить их огнем.

— Делать нечего, парень! Не в наших силах остановить в небесах Око Митры! Но я попробую разделаться с тем, кто имеет власть над ядовитыми тварями.

К ним присоединился Глико. Услышав слова Конана — приказ командовать в его отсутствие всем аквилонским отрядом — старый воин переменился в лице.

— Это безумие, Конан! Ночью ты окажешься легкой добычей этих раскрашенных демонов!

— Как бы не так, старина! Этого удовольствия я им не доставлю. И ты сам прекрасно понимаешь, что второго нападения змей нам не выдержать, а добраться до логова проклятого Сагайеты могу лишь я один. Так что командование пока будет на твоих плечах, а мои приказы ты знаешь. Не думаю, чтобы вы успели соскучиться до моего возвращения.

— Если тебе повезет вернуться… — мрачно проговорил Глико, но, обернувшись, увидел, что рядом с ним никого нет — гигантскую фигуру киммерийца неслышно поглотили вечерние сумерки.

7

По лесной тропинке Конан пробрался к протоке и переправился через нее — где вброд, где вплавь. Выбравшись на берег, варвар двинулся в глубь леса — туда, где, по донесению его разведчиков, находился лагерь пиктов. Небо было ясным, сквозь ветви деревьев просачивался призрачный лунный свет, и киммериец мог ориентироваться по луне и звездам — он предпочитал сделать большую петлю, лишь бы не натолкнуться на отступающее воинство дикарей.

Неожиданно ночную тишину опять прорезала барабанная дробь, что оказалось очень на руку киммерийцу. Теперь, определив направление, откуда доносился грохот, он мог идти напрямик. Довольно скоро сквозь ритмичные удары барабана он различил неясные еще людские голоса — значит, лагерь был уже близко. Вожди пиктов сейчас, скорее всего, готовят свои отряды к решающей схватке. А потому стоило удвоить осторожность — Конану совсем не улыбалось напороться на выставленных вокруг лагеря часовых.

Варвару повезло; он сумел подобраться к лагерю, не встретив ни одного пикта. Шатер колдуна стоял под двумя могучими деревьями, ветви которых не пропускали света луны. Несомненно, Сагайета находился в шатре — как подсказывало Конану его звериное чутье. Внимательно оглядевшись по сторонам, киммериец попытался оценить ситуацию.

К одному из деревьев прислонился охранявший шатер страж. Конан бесшумно скользнул к нему и, взмахнув топором, раскроил пикту череп. От страшного удара дикарь, не вскрикнув, рухнул на землю, а убийца его замер, пытаясь определить, был ли услышан кем-либо шум от падения тела. Однако, к его счастью, этот звук заглушили удары барабана. Приникнув к земле, Конан пополз к шатру и уже собрался пробраться внутрь, как вдруг наступила мертвая тишина — барабанная дробь смолкла. По спине киммерийца пробежал холодок; он вспомнил, что во время прошлого боя после такой паузы появились гигантские змеи.

Нужно было торопиться! Откинув полог шатра, Конан заглянул внутрь, и сразу же в ноздри ему ударил резкий смрад — запах змеиной кожи. В шатре было темно, только в почти угасшем очаге тускло отсвечивали красным угли. Рядом с очагом неподвижно сгорбилась фигура человека.

Это был шаман Сагайета. глаза пикта были закрыты, и, вероятно, он пребывал сейчас в трансе после совершенного колдовского ритуала. Редкостная удача! Конан поднял свое оружие, собираясь одним ударом прервать жизнь отвратительного колдуна, как вдруг услышал шорох, и над ним взметнулась узкая тень.

Киммериец почувствовал, как в левое запястье, не защищенное кольчугой, впились чьи-то зубы. Он опустил глаза — на его руке, вцепившись в плоть, висела огромная, длиннее человеческого роста, пиктская гадюка. Не был ли то сам повелитель змей, в тело коего умел вселяться Сагайета?

Конан резко поднял руку, и тело змеи метнулось вслед за его движением; тогда, взмахнув зажатым в правой руке топором, он отсек голову огромной рептилии. Змея корчилась на полу в предсмертных судорогах, свиваясь в кольца, и в одном из бросков попала прямо на угли очага. Воздух наполнился вонью паленого мяса.

Тем временем Конан, похолодев, смотрел на свое запястье — на месте укуса выступили только две маленьких капли крови, но вокруг них быстро расползалось темное пятно, а рука онемела почти до плеча.

Нельзя было терять ни мгновения. Он бросил топор и выхватил из-за пояса нож, собираясь надрезать кожу в месте укуса и высосать смертоносный яд. Но в этот миг скорчившийся у очага

и до сих пор неподвижный шаман поднял голову. Широко раскрытые глаза Сагайеты были холодными и лишенными всякого выражения. "Как у змеи", — мелькнула мысль в голове киммерийца.

— Варвар! Святотатец! — по-змеиному прошептал колдун. — Ты посмел убить великое существо, в которое временами переселялась моя душа… Но ты жестоко поплатишься за это!

Не отвечая, Конан метнул в Сагайету нож, но тот со змеиной ловкостью увернулся, и лезвие вспороло стенку шатра. Шаман вскочил и вытянул к киммерийцу костлявые руки.

Но убийственное заклинание колдуну произнести не удалось: Конан молниеносным движением подхватил с пола топор и, широко размахнувшись, вонзил его в тощую шею жертвы. Раздался глухой хруст разваливающихся шейных позвонков. Голова Сагайеты скатилась с плеч, его туловище бессильно осело на пол; багровый фонтан, ударивши из перерубленной шеи, брызнул в очаг. Зло зашипели политые кровью угли.

Перед глазами Конана плавали алые кольца. С трудом он отыскал свой нож и полоснул им по запястью. Брызнула кровь; киммериец прижался к ране губами и, сплевывая, стал отсасывать отраву. Но от потерял слишком много времени, и всю левую половину его тела уже пронизывала жгучая боль. Успеет ли он?.. Сможет ли?.. Конан стащил с себя ремень и крепко перетянул руку у плеча.

В это время до слуха его долетели отдаленные звуки начавшейся битвы. Суля по всему, дикари, так и не дождавшись появления змей, снова пошли в атаку — либо рассчитывая, что помощь придет попозже, либо надеясь на свое численное превосходство.

Конан вскочил на ноги. Забыв обо всем, он был готов бежать к полю боя, встать в строй вместе со своими солдатами… Но острая боль, словно молнией пронзившая тело, заставила его опомниться: он слишком хорошо знал, что любое физическое напряжение, разгонявшее отравленную кровь, обернется для него смертью. И он снова приник губами к разрезу на распухшей руке.

Наконец, его усилия увенчались успехом — через какое-то время киммериец почувствовал, что чудовищная боль понемногу начинает ослабевать. Опухоль больше не увеличивалась, и он даже мог согнуть посиневшую руку. Тогда Конан перевязал запястье клочком оторванной от рубашки ткани и, зажав в правой руке топор, а в левой, едва повиновавшейся ему, голову Сагайеты, вышел из шатра и направился в сторону протоки.

8

Призрачный лунный свет озарял несметное множество пиктов, переправляющихся через речной рукав. На другом берегу их встречал железный строй аквилонской пехоты — стена щитов и острия длинных пик. Кавалерия на правом фланге пока что бездействовала.

Капитан Лаодамас услышал окликающий его хриплый голос.

— Великий Митра! — изумленно прошептал он, обернувшись и увидев забрызганную кровью фигуру киммерийца. — Что с тобой случилось, Конан?

— Это сейчас должно интересовать тебя меньше всего. Почему твои люди не вступают в бой? У тебя был приказ атаковать дикарей, когда они будут на середине протоки. Копыта Нергала, чего ты еще ждешь?! Почти все пикты уже на нашем берегу!

— Но это не правилам, Конан! — запротестовал светловолосый капитан. — Согласно военному кодексу, бесчестно нападать на противника, когда он находится на переправе…

— Видит Кром, я терпел твою глупость слишком долго, но терпению моему пришел конец! Однако поговорим мы с тобой об этом позже…

С этими словами киммериец выпустил из рук топор и голову Сагайеты, после чего, подойдя к Лаодамасу, неожиданно подхватил его под колено и, выдернув ноги из стремян, сбросил опешившего всадника с коня. Взлетев в освободившееся седло, Конан нагнулся, поднял с земли свой топор и насадил на него отрубленную голову.

— Я прикончил Сагаейту, колдуна пиктов! — проревел он зычным голосом. — Теперь нам нечего бояться змей! Вперед, парни! За мной! Рубите и колите!

Повинуясь жесту киммерийца, горнист протрубил атаку, и застоявшиеся кони рванула в галоп. Подняв свой топор, увенчанный головой пиктского шамана, Конан мчался впереди атакующей колонны, продолжая выкрикивать: "Сагайета мертв! Сагаейта мертв!" Кавалерия аквилонцев бронированным кулаком врезалась в толпу дикарей и смяла их. Началась кровавая резня.

Полуголые пикты не могли противостоять закованным в доспехи всадникам. К тому же избивавшие дикарей аквилонцы повторяли вслед за Конаном: "Сагайета мертв! Сагаейта мертв!" Не понимая языка, но разобрав знакомое имя, дикари заволновались, и тут те из них, кто оказался рядом с вражеским вождем, заметили венчавшую его топор окровавленную голову шамана. В рядах пиктов произошло замешательство, а затем их войско превратилось в беспорядочную толпу; вскоре они, потеряв разум, бросились бежать, не слушая отчаянных призывов предводителей. Аквилонская пехота ударила вслед за кавалерией, и мечи, копья и стрелы боссонцев и гандерландцев довершили начатую бойню. В тот вечер Нергалу досталось множество жертв, а круглый диск луны, отражавшийся в протоке, сделался алым от крови пиктов, окрасившей ее воды. Мало кому из дикарей удалось спастись, добежав до черневшего вдали леса.

У опушки Конан остановил всадников и велел горнисту играть отбой: в темной лесной чащобе кавалерии делать было нечего. Он отыскал глазами командира пехотинцев.

— Глико! Теперь дело за тобой — перебейте всех, кого сможете догнать!

Старый капитан молча кивнул и, повелительно мазнув рукой своим солдатам, исчез в темной чаще. Конан соскочил с седла, но тут стволы деревьев закружились перед ним в причудливом хороводе; чудовищная усталость, раны и змеиный яд сделали свое дело. Даже для такого могучего человека, как гигант-киммериец, эти испытания оказались чрезмерными: свет в его глазах померк, и он, как подкошенный, рухнул на землю.

* * *

Глико и Флавий сидели рядом с постелью Конана, наблюдая, как лежавший на спине киммериец с явным неудовольствием протягивает левую руку легионому лекарю. Когда тот размотал бинты, они увидели, что предплечье чудовищно распухло и почернело, словно опаленное огнем.

— Никогда бы не поверил, если б не видел собственными глазами, что ты ухитрился держать в этой руке топор, — с удивлением произнес Глико.

— Кром! А что мне еще оставалось? В другой руке я держал поводья, — мрачно ухмыльнулся киммериец и спросил лекаря: — Ну что, мясник? Долго ли мне валяться тут бревном? Вылечишь руку или отрежешь напрочь?

— Вылечу. Но думаю, что ты сможешь подняться с постели лишь через несколько дней, мой господин, — ответствовал целитель. — А если ты не последуешь моим советам, то свалишься от лихорадки. Это я тебе точно обещаю!

Конан сердито сплюнул на пол и вполголоса пробормотал замысловатое ругательство. Потом со вздохом повернулся к Глико и Флавию.

— Расскажите-ка, чем кончилось дело?

— Мы долго преследовали в лесу дикарей, — ответил седовласый капитан. — Кое-кто пытался защищаться, и я потерял немало солдат, стрелков и копьеносцев, зато немногие из пиктов ушли живыми. Мы перебили их, мой господин!

Покосившись на свою руку, киммериец тяжко вздохнул.

— Наверное, я старею, — пробормотал он. — Разве в прежние времена я свалился бы с ног от укуса паршивой змеи? Да и не такой уж крупной она была, а я хлопнулся в обморок, как девица! А сейчас, похоже, у меня что-то с головой, мерещиться всякое… Если не ошибаюсь, я слышал слова "мой господин"?

— Пока ты валялся без сознания, мы кое-что успели сделать, — улыбнулся Флавий. — Королю Нумедидесу отправлен пергамент — о нашей победе, о спасении Чохиры и об измене Лусиана. Ну, и к нему приложена покорнейшая просьба назначить тебя командиром пограничной стражи. Мы все подписали, хоть Лаодамас долго упирался — он никак не может простить, что ты унизил его при солдатах. Похоже, он собирается послать тебе вызов на поединок — после твоего выздоровления, конечно.

— Пасть Нергала! — Конан расхохотался. — Да, мне пришлось обойтись с ним совсем неблагородно, не так, как он привык! Ладно, пошлю ему мои извинения… Парень он неплохой, вот только малость свихнулся на своей родовитой крови. Кровь, честь и достоинство нобиля… Ха!

В дверь постучали, и в комнату вошел человек в запыленной одежде королевского гонца.

— От пресветлого и великого короля! — торжественно провозгласил он. — Пергамент полководцу Конану, командиру пограничной стражи, начальствующему над легионом Золотых Львов!

Когда киммериец с ухмылкой признался, что именно он — обладатель этого пышного титула, ему с церемонным поклоном был вручен запечатанный воском свиток. Взломав печать и развернул пергамент, Конан, шевеля от напряжения губами, принялся старательно разбирать руны королевского послания. Глико и Флавий смотрели на него с нетерпением и любопытством.

— Наш пресветлый и великий король, — благополучно добравшись до конца письма, возвестил Конан, — утверждает мое назначение. А кроме того, приглашает в Тарантию, свою столицу, дабы представить ко двору. — Блаженно втянувшись под одеялом, киммериец с хрустом

расправил мышцы и пробормотал: — Подумать только — целый год гонялся в этих проклятых лесах за пиктами, а теперь меня ждет городская роскошь… Неплохо, очень неплохо! Во-первых, побывавшие при королевском дворе отмечают великолепие его кухни и богатство винных погребов. Кто бы знал, до чего мне надоела местная кислятина! А во-вторых, хоть я не могу сказать ничего плохого о здешних девчонках, придворные дамы составят приятное разнообразие…

Голос лекаря прервал мечты киммерийца:

— Хватит, раненому нужен отдых! Мой господин, я попрошу всех выйти!

Глико и Флавий не прекословили; оба послушно поднялись. На прощание седой капитан сказал:

— Мы придем завтра, Конан, и о многом успеем поговорить. Но ты, мне кажется, заблуждаешься, толкуя о прелестях придворной жизни. Во дворце в первую очередь нужно держать ушки на макушке — иначе оглянуться не успеешь, как останешься и без ушей, и без головы.

Конан ухмыльнулся.

— Не был я, что ли, во дворцах? К тому же, старина, осторожность у меня в крови. И если заклинания проклятого Сагайеты и колдовство Зогар-Сага мне не повредили, стоит ли опасаться жалких козней при королевском дворе?